ПОЛІС

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Э. С. Кульпин

Как преобразовать самих себя?

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kulpin_1991_4.pdf

URL:http://www.civisbook.ru

КАК ПРЕОБРАЗОВАТЬ САМИХ СЕБЯ?

Э. С. Кульпин

Хочется верить, что мы действительно вступаем на безумно трудную дорогу возвращения в цивилизованную жизнь. Легко сваливаться в яму, тяжело из нее выкарабкиваться. Для этого требуется много осознанных, продуманных, просчитанных усилий. Цивилизованный мир протягивает нам руку с надеждой и жалостью, но и боязнью. В последнем есть резон хотя бы потому, что мы и сами не знаем самих себя, не знаем, куда нас выведет кривая. Запад до сих пор был по-хорошему прагматичен: в первую очередь и главным образом он помогал тем, кто доказывал твердое намерение использовать помощь на преобразование по большому счету самого себя. Надо надеяться, что и по отношению к нашей стране такой подход возобладает, а наше общество осознает его конструктивность.

Свобода или воля? Процесс уничтожения тоталитарной системы, превращавшей нас в манкуртов, оказался в конкретных условиях СССР тесно связанным с процессом суверенизации. Это, пожалуй, наиболее действенное орудие национального возрождения. Но, избавившись от обруча имперской государственности, то есть от гнета внешнего, избавимся ли мы от гнета внутреннего, перейдем ли в новую систему ценностных координат или останемся в старой, произведя в самом сущностном — в мышлении — лишь косметические изменения? В конечном итоге от такого перехода зависят, на мой взгляд, судьбы страны.

Свобода или воля? — под этим углом исследовал российскую и западноевропейскую историю великий русский философ-богослов Г. Федотов. Для него свобода — это свобода для всех, это уважение и защита чужой свободы, как своей. Воля же — свобода для себя, безразличие к чужой свободе в широком диапазоне — от равнодушия до подавления. В системе координат и ценностей Российской империи, справедливо утверждал Г. Федотов, свобода не смогла сформироваться как понятие-ценность, место ее занимала воля (1). Похоже, мы продолжаем и сегодня оставаться в этой старой системе.

КУЛЬПИН Эдуард Сальманович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения АН СССР.

Могут сказать, автор упрощает, свобода и воля (вольность) — две стороны одной и той же великой идеи, имеющей длительную и сложную историю. Но здесь бы хотелось подчеркнуть именно их оппозицию, выделить решающий сегодня аспект: во всех сферах общественной жизни воля проявляется в атомизации и даже абсолютизации независимости; напротив, свобода достижима легче и быстрее всего в упорядоченной гуманистическим мировоззрением гибкой и открытой системе. Отношение к свободе и воле — своеобразный индикатор интенсивности и глубины начавшегося в нашем обществе процесса перемен.

Три пути. Три пути, на мой взгляд, открыты перед страной. Путь первый — к полному распаду СССР. Путь второй — к распаду частичному, но с консолидацией ядра — России — на демократических началах. Путь третий — силовая остановка распада, диктатура под лозунгами наведения порядка. Первый путь более других чреват непредсказуемыми социальными катаклизмами. Третий (включающий и проведение некоторых частичных реформ «сверху», т. е. «белую» революцию), не исключено, всего лишь утопия. Стремление правящих ныне социальных слоев ограничиться лишь сменой вывесок — главная причина ухудшения экономической, политической и моральной атмосферы в обществе. Вне зав-исимости от любых благих намерений «центра» «белая» революция в таких условиях может легко превратиться в «черную», в тоталитаризм, еще более жестокий и кровавый, ибо над власть имущими как дамоклов меч будет висеть угроза всенародного восстания. А к чему может привести подобное восстание? Скорее всего — к первому варианту пути, но с огромными потерями для общества.

Казалось бы, наиболее безболезненным для общества может быть второй путь — выделения из Союза России. Хотя предпочтительность его не очевидна. Так, Россия — даже в наиболее благоприятном (солженицынском) варианте — то есть вместе с Украиной и Белоруссией — должна быть психологически и практически готовой к приему десятков миллионов беженцев (русских, полурусских и нерусских) с суверенных «окраин».

Вывод? Лучше вообще обойтись без распада и без применения силы для его

предотвращения. Если это удастся, нас ждет, согласно некоторым прогнозам, небывалое, немыслимое благоденствие.

Будучи экономистом, я все же не хотел бы начать с обсуждения хозяйственных программ, которые предлагаются, чтобы осуществилось движение по благоприятному варианту прогноза. Это движение определят отнюдь не экономические интересы, которые массам и слоям надо было бы лишь осознать, согласившись на какую-то результирующую их. Нет никаких гарантий того, что при одновременном воздействии на общество рационально понятых интересов и страстей обязательно возобладают первые. В нашем обществе, одурманенном и искалеченном утопической идеологией, сохраняется (в том числе и в сознании правящих слоев) сложное переплетение рационального и иррационального. Второе доминирует и может погубить любые хорошо просчитанные специалистами варианты экономического развития. (Напомним хотя бы о печальной судьбе всесоюзной программы «500 дней».) Поэтому обязателен синтетический подход. Надо обращаться прежде всего не к экономическим конструкциям и дефинициям, а к глубинным пластам сознания масс.

В наших поисках продуктивным может быть анализ исторических прецедентов. Выяснив рецепты и сроки лечения тоталитарно-имперских болезней в прошлом, можно попытаться или не пытаться (коммунизм за 20 лет мы уже строили) ускорить лечение, сделать его менее болезненным для общества.

Постимперское сознание. Относительно Западной Европы мы знаем, что ее народы, объединенные вначале в одну — Римскую, а затем во многие империи, в итоге почти полуторатысячелетней борьбы разошлись по «национальным квартирам». Этот процесс, едва завершившийся в начале нашего века, в конце его сменился на прямо противоположный: добровольного, «снизу», объединения стран и народов в экономически, культурно и политически единое целое, которому некоторые наши авторы присвоили имя — «постимперия» (2). Чем же, по их мнению, новое явление отличается от старых империй и национальных государств?

В империи территориальные и этнические группы с разными культурными традициями и ценностными установками подчинены единой власти, устанавливающей общую систему политических и правовых норм, которые стоят над этими традициями и императивами или даже отрицают их. Национальные государства освобождаются от имперских норм и конституируют свои собственные. Но дальнейшее развитие таких государств приводит к формированию общей международной системы политических и правовых норм. Уважение последних ставится гораздо выше ценностей суверенного своеволия.

Авторы приведенных утверждений высказывают предположение, что наша страна стоит сегодня перед дилеммой: распад («трайбализация») или вхождение в мировую постимперию. Во втором случае имеется шанс стать частью цивилизованного «нового миропорядка». «Входной билет» в него — «наследие таких соотечественников, как Вл. Соловьев, В. Вернадский, Г. Федотов и др., провидевших черты этого мира задолго до того, как реальный Запад приобрел их» (2, с. 22).

Желание уже сейчас иметь пропуск в цивилизованный мир понятно. Но может ли быть таким билетом только наследие перечисленных великих наших соотечественников, создателей русского космизма (и таинственных «др.»)? Вошло ли это наследие в сознание хотя бы наиболее образованной части нашего общества? Не берусь дать ответ на последний вопрос. Недействительным пропуском в «постимперию» может быть только сознание масс, «переварившее» и имперский менталитет, и дух национального обособления, т. е. сознание, ориентированное не на волю, а на свободу.

Наш европоцентризм часто заставляет ограничиваться только Западом при поисках исторических прецедентов и возможных моделей развития. Между тем создание постимперских систем происходило и на Востоке. Так, в первом тысячелетии до н. э. существовало древнекитайское протогосударство Чжоу, напоминавшее, если искать аналогии с Европой, Священную Римскую империю. Эпоха Чжоу завершилась скоротечной империей Цинь (221—207 гг. до н. э.). Цинь пала в результате народного восстания, что, однако, не привело к распаду только-только сложившегося государства. Общество, уставшее от кошмара многовековых войн и восставшее против империи, как бы миновав стадию национальных государств, вошло в состояние, которое по основным чертам соответствовало постимперскому. Утвердился духовный «стандарт» всеобщей терпимости. Как же это произошло?

Распад протогосударства Чжоу был спровоцирован не ростом этнического самосознания отдельных групп, но резким ухудшением материальных условий существования в ходе глобального изменения климата — так называемого похолодания «железного века». Причинно-следственная цепочка коротко выглядела так: экологический кризис спровоцировал хозяйственный, тот в свою очередь социально-политический, а все вместе — идеологический. В итоге, при всех отличиях от наших страны и времени, сущностный набор составляющих кризиса был идентичным. Для выхода из него древнекитайское общество не только выработало новую идеологию — конфуцианство, но и приняло ее как государственную. В новой системе ценностей единое государство стало гарантом процветания, порядка и стабильности. Но одной новой идеологии и единой власти было недостаточно. Нужны были новые техника и технология, системы управления хозяйством, социально-экономических отношений, политических структур. Причем преобразование всех сфер жизни оказалось обязательным и обязательно синхронным.

Китайское общество затратило на поиск гармоничных отношений между его элементами время, втрое меньшее, чем западноевропейское — полтысячи лет. Найденные структу-

ры эффективно действовали на протяжении почти двух тысяч лет — до наступления второго социально-экологического кризиса, спровоцированного демографическим взрывом в XVIII в. н. э. (3). Разумеется, этот срок для нас вряд ли приемлем. Но принципиальная возможность изменений временных параметров трансформаций очевидна.

Совесть и экономика. В нашем веке столь много и многими говорилось об «ускорении» всех и всяческих процессов, что кажется возможным сжать в десятки лет или в годы процессы, занимавшие раньше столетия. Но где гарантии, что сегодня процесс смены убеждений к лучшему, переоценки ценностей (в том числе от воли к свободе) пойдет много быстрее, чем раньше? В худшую сторону, мы убедились,— может.

Главная отличительная черта здорового социального организма — моральные императивы, духовные ценности, среди которых ключевое место занимают взаимосвязанные: свобода, ответственность и совесть. Искажение их смысла, искоренение оказалось у нас в стране незапланированным, побочным результатом действия системы, подменившей общечеловеческую нравственность «классовым чутьем», «политической целесообразностью». Низкий уровень общей культуры правящих слоев и высокий уровень самомнения вождей усугубили результат.

Конечно, было бы крайне несправедливым считать, что все советские люди лишены совести, ответственности перед обществом. Но факт, что непросчитанный, хотя и практически ощутимый «средний» уровень того и другого ниже некой незримой критической отметки, за которой всяческие катастрофы и провалы становятся неизбежными.

Так, известно, что в программе «500 дней» учитывались рекомендации Международного валютного фонда, труды зарубежных экономистов, опыт польской «шоковой терапии», создания конвертируемого югославского динара и т. д. Иными словами, вольно или невольно в качестве ориентиров были взяты прецеденты западных обществ, где планка общественной и личной ответственности несколько или много выше. Расчеты в программах были сделаны с учетом материально-финансовых ресурсов и тому подобных факторов, но — без учета того, что количественно учесть невозможно, но что тем не менее весьма важно: социально-психологического фактора. Современный рынок требует определенных моральных качеств, невозможен без доверия всех его субъектов друг к другу и прежде всего — доверия к государству, правительству. Иными словами, наша надежда на успех в выходе из экономической катастрофы во многом зависит от возрождения морали и нравственности. К сожалению, этому фактору научная общественность не уделяет должного внимания. Высказываются диаметрально противоположные суждения. Одни авторы полагают, что «все само собой образуется». Лариса Пияшева, например, утверждает: для этого достаточно в обществе, где до того собственность только отбиралась, раздать его членам госимущество. На другом полюсе — такие, как А. Ахиезер. Он, вслед за историком А. Яновым, напоминает, что в России все попытки реформ заканчивались контрреформами, в конечном счете — провалом (4).

Снова звать «варягов»? Не исключено, что механическое перенесение удачного для других стран экономического опыта, отдельных элементов этого опыта без учета культурного контекста грозит нам вовсе не цивилизованным рынком развитых стран и, возможно, даже не восточным базаром, где торг превращен в вид филигранного искусства диалога, но прямым разбоем. Ростки его мы наблюдаем сегодня.

Как же поднять планку нравственности, как достичь необходимого уровня «средней» общественной ответственности быстро? И самое главное — как достичь этого естественным путем, превратив общество в самоуправляющийся организм? Может быть, так, как это делают с зараженной кровью: разбавляют ее здоровой кровью доноров? Влить «человеческий фактор» со стороны, оттуда, где высоки уровень свободы и ответственности, уровень производства и социальной защищенности? Иными словами, позвать «варягов»?

Надо полагать, одни СП (и даже ТНК) быстро изменить ситуацию не смогут. Необходимы массы специалистов. Нужно пригласить зарубежных менеджеров на значительную часть предприятий, продав им часть акций (скажем, 15—25 %), чтобы был материальный интерес не только от заработной платы (последняя должна соответствовать той, что они получают на родине). Следует предоставить этим менеджерам право самим набирать штат работников. Все это позволит создать ту критическую массу экономической и технологической ответственности, при которой установится благоприятный производственный и нравственный климат на предприятии, а совокупными усилиями — по всей стране. Короче говоря, не изобретая «велосипедов», нужно делать то, что делалось в России в конце прошлого — начале этого века, что предприняли новые индустриальные страны в течение последних десятилетий.

В духе общины. Легко сказать: «Позовем варягов». Пойдут ли? И в нужном количестве? Однако экономического интереса тут, пожалуй, будет мало. Нетрудно предположить, что, если даже «варяги» будут гарантированы от экономических потерь (что в общем не обязательно, рынок — это постоянный риск, хотя ныне и не слишком большой), многие из них не решатся нам помочь, если не будет политической стабильности в стране.

Я уже говорил, что страсти могут быть выше действительных, прежде всего экономических, интересов. Эмоции уже сейчас сильно мешают нормальной работе парламентов, взаимодействию между ними. Причем, чем демократичнее законодательные органы власти (например, в наших исторических столицах), тем сложнее им наладить результативную повседневную работу. Особенно опасны страсти национальные. Их стихия может задвинуть

действительные интересы людей далеко на задний план.

На решительное ограничение страстей, недопущение их разгула способен авторитаризм. Но трагические уроки нашей недавней и давней истории предупреждают, что такой режим очень легко может переродиться в диктатуру, которую непременно используют структуры административно-командной системы, не желающие «поступиться принципами».

Да, политическая стабильность ряда современных стран Азии и Латинской Америки, осуществивших рывок к процветанию, обеспечивалась авторитарными режимами. Да, в глазах многих авторитаризм стал даже символом «экономического чуда», гарантом притока иностранного капитала. Но для нас, с нашей «отягощенной наследственностью», авторитаризм как таковой слишком опасен. Где же выход? Может быть, в том, чтобы обратиться к традициям русской общинной культуры, в которой существовал своеобразный сплав прямой демократии с элементами авторитаризма?

Характерной чертой общины, в том числе религиозной, было, как известно, наличие харизматического лидера. Но его действия постоянно контролировались. И если эти действия начинали идти вразрез с интересами или чувствами членов общины, то лидера свергали и даже жестоко с ним расправлялись.

Элементы давней общественной жизни живы у нас до сих пор. Не случайно столь единодушным было требование граждан полностью транслировать съезды и сессии Советов. Не случайно наши демократические лидеры стараются идти навстречу ожиданиям, сформированным традиционным мировоззрением. Например, руководители Моссовета отчитываются перед жителями столицы еженедельно в специальной программе «Лицом к городу». Ленинградцы делают то же самое — и даже чаще.

Однако, что все больше и больше не нравится обществу,— «говорильня». Но демократия как раз и предполагает столкновение разных мнений, выработку на их основе согласованных решений. Никто не возражает против того, чтобы каждый депутат пользовался правом голоса. Напротив. Хотелось бы только, чтобы говорящих было меньше, чтобы они были политиками-профессионалами, чтобы процесс принятия и реализации решений был ускорен.

Радикальная реформа Советов, которая, очевидно, необходима, в свете традиций должна привести к системе, где число депутатов на каждом уровне власти будет гораздо меньшее, чем сейчас, они будут способны быстрее договориться между собой. На низших же уровнях достаточно одного или несколько выборных лиц. Уже раздаются голоса о восстановлении институтов земства, старост, атаманов и т. д. Демократически избранные лидеры, облеченные властью авторитарного типа, должны если не ежедневно, то еженедельно подробно отчитываться перед избирателями (газета не может заменить прямого общения — телевизор плюс телефон). Самое главное в такой синтетической системе власти — институты отчетности, всенародного контроля и возможность лишения полномочий, отзыва (через суд) выборных лидеров, не справляющихся со своими обязанностями. Короче говоря, все — в соответствии с духом общины, мира, кроме прежних жестокостей, расправ с поверженным кумиром, подавления инакомыслящего меньшинства.

С чего начинается «экономическое чудо»? Использование предложенных выше подходов, конечно, не решит всех проблем, окажется мало или вовсе не действенным в сфере, от которой слишком многое зависит в нашей жизни. Речь идет о производстве хлеба насущного. Здесь нам более всего предстоит преобразовываться самим. И не только потому, что «влить» в нужном объеме в наше сельское хозяйство западных фермеров просто не удастся. Но потому, что в земле, в деревне — корни народной культуры, нравственности. Трагедия России в том, что эти корни подрублены, засушены, отравлены во всех мыслимых отношениях. Как их оживить?

Собственного позитивного опыта у нас нет или почти нет. В такой ситуации, при всем понимании нашей «особенности» («исключительности»), мы обречены обращаться к опыту других. Но о каких странах больше всего рассказывает наша пресса? О наиболее благополучных — Швеции, США, нынешней Японии и т. п. Сдается, мы должны избрать несколько другие примеры для изучения, зафиксировав внимание на странах и народах, переживших уже в наш век острый кризис, но сумевших выйти из крайне неблагополучных, экстремальных ситуаций. Послевоенный опыт богатой Западной Европы здесь не лучший советчик. Иное дело — Южная Корея, Тайвань, Таиланд. Особое место в этом ряду занимает Япония первых послевоенных десятилетий. Там, пожалуй, основательней, чем где-либо еще, были разрушены войной промышленность, инфраструктура, городской жилой фонд, впечатляющих размеров достигли безработица и недоедание. И все это — на фоне общенационального кризиса идеологии, политики, экономики. О том, как Япония преодолевала послевоенные невзгоды, написано много. Однако один аспект остался в тени — аграрная реформа. Но без нее не состоялось бы «японское чудо».

В чем была суть реформы? Во-первых, в принципиальном изменении социально-производственной организации деревни, в уничтожении таких традиционных для Востока социальных слоев, как помещики (крупные землевладельцы), ростовщики, безземельные крестьяне, арендаторы; во-вторых, в создании нового массового слоя — крестьян-середняков, собственников своей земли — фермеров (5).

В основу реформы был положен предел землепользования — три гектара. Это тот размер культивируемой в растениеводстве земли, которую способна в японских условиях обрабатывать одна семья из шести человек, из которых два работоспособны,

простыми орудиями труда, без использования машин и механизмов. Средняя японская семья после реформы имела надел в один гектар. Земля сверх нормы, а также любые площади, не обрабатываемые владельцем, подлежали продаже. После перераспределения свободная купля-продажа земли была временно запрещена.

Что же дал принцип «не более трех гектаров» в сочетании с другими для развития Японии в целом и для японской деревни в частности? В общенациональном масштабе реформа способствовала снижению безработицы, повышению цены рабочей силы, формированию психологии независимости у трудящихся, ориентации всей экономики на интенсивный путь развития.

Землю получили не только сельские жители, но и бывшие крестьяне, покинувшие деревню в войну и накануне нее. Разумеется, стать снова крестьянами пожелали в первую очередь безработные и полубезработные горожане. Тем самым реформа способствовала рассасыванию городской безработицы, уменьшению масштабов люмпенства. Но этим позитивное воздействие реформы на судьбу страны не ограничивалось. Превращение пролетария в собственника, пусть даже маленького, принципиально меняет ситуацию на рынке труда. Горожанин, не имеющий средств к существованию, кроме продажи своей рабочей силы, соглашается в экстремальных условиях на любые условия работы, лишь бы выжить. Иначе ведет себя тот, кому гарантирован хотя бы минимум средств существования. И на самых маленьких наделах, полученных после реформы (около 0,3 га), можно было выжить.

Даже небольшой участок собственной земли делает его хозяина независимым, соглашающимся уже не на любую, а лишь на «достойную» работу. Соответственно и предприниматель, исчерпав свободные городские трудовые резервы и обращаясь к деревне, ориентируется уже не на дешевую рабочую силу, но вынужден «заманивать» крестьянина, применять трудосберегающую технологию, не жалеть средств не только на оплату труда, но и на обучение работников. Превращение даже части пролетариев в собственников (особенно владельцев неотчуждаемой собственности) существенно повышает цену рабочей силы, делает ее владельца не просто независимым, но стремящимся к более квалифицированному и высокооплачиваемому труду. При наличии других факторов (например, национальной идеи) это создает благоприятную почву для рывка в экономическом развитии. Таким образом, опосредованно аграрная реформа способствовала становлению в Японии (как позднее в Южной Корее, на Тайване, в Таиланде) той атмосферы, в которой происходит рождение «экономического чуда».

Новый массовый средний класс — фермерство — мог появиться только при ряде непременных условий. Прежде всего — при отсутствии у крестьян, получивших землю, долгов; затем — при низкой, почти символической цене земли; и наконец — при переделе землепользования, исключающем возможности сильной дифференциации доходов. У каждой семьи в лучшем случае находилось столько земли, сколько она была способна обработать, чаще — меньше того. В таких условиях, в принципе, возможно только интенсивное ведение хозяйства: за счет вложения труда и капитала. Нет лишней земли — значит нет и аренды, и найма рабочей силы как массовых явлений.

Перечисленное, конечно, это те предпосылки формирования массового фермерства, которые могут сработать только в упряжке с другими. В Японии такими были: создание закупочных, снабженческо-сбытовых кооперативов с одним контрагентом — государством, строительство за счет казны дорог, электростанций и электросетей, предприятий сельскохозяйственного машиностроения; субсидирование аграрных исследований и осуществление протекционистской внешнеторговой политики.

Внутренние «варяги». У нас много говорят о проблеме «лишних» денег, предпринимаются попытки ее решить. Но опасность возникновения «лишней» рабочей силы еще недостаточно осознана. Есть необходимость упредить события, заранее создав условия для «связывания» такой рабочей силы. В частности, это возможно путем предоставления горожанам земли в размере от 0,3 до 3 гектаров (в зависимости от земельного фонда местности и его распределения).

Подобно японцам, наши горожане могут претендовать на часть колхозно-совхозной земли по праву наследования: практически у любого горожанина если не отцы, то деды — «от сохи». В то же время их претензии не могут распространяться на то, что создано за последние десятилетия трудом работников села: здания, машины и механизмы, местная инфраструктура. Однако для горожан, получивших землю, созданное селянами по большей части может и не быть жизненно необходимым, если они сохранят связь с городом. Это реально при получении наделов не в «глубинке», а, например, вдоль магистралей — шоссейных и железных дорог, построенных не колхозами, а государством.

В чем разница и в чем суть акции предоставления горожанину не нынешних 4—6 соток в садовом кооперативе, а 0,3—3 гектаров в частную собственность?

Напомним, что тоталитарное государство, формально обобществив сельскохозяйственное производство, тем самым лишило крестьянина возможности индивидуально производить и хранить продовольствие, взяло на себя обязательство кормить население. Государственные гарантии по снабжению населения продовольствием по низким субсидируемым ценам стали в массовом сознании важным элементом уравнительно понимаемой социальной справедливости. Садовые участки не сняли ответственности с государства по прокорму населения. Участок же в десятеро

больший, чем садовый,— это уже потенциально полноценное рабочее место, дающее при полной распашке минимум средств существования семьи. Государство, передав гражданину такое рабочее место, получает возможность снять с себя непосильное бремя по снабжению населения продовольствием. Иными словами, появляется возможность изменить уродливые представления о социальной справедливости, переложить основную долю ответственности за свою судьбу с власти на саму личность, тем самым раскрепостить ее. Будет дан мощнейший толчок процессу изживания психологии инфантильного, безответственного коллективного потребителя и утверждения ответственного индивидуального производителя.

При раздаче жителям одного и того же города равных наделов новые владельцы попадут в примерно одинаковые стартовые условия: при отсутствии средств малой механизации и соответствующего машиностроения даже различные денежные средства не могут быстро реализоваться в неравенство производителей. Следовательно, можно ожидать, что вместо уравниловки в потреблении как лозунга мнимой социальной справедливости, заставляющей нас вместо продуктивной работы проводить часы стояния в очередях, появится новый: равенство возможностей в производстве.

Убеждение, что предоставление земли горожанам на основе права собственности позволит упредить многие негативные социальные последствия перехода к рынку, основаны на следующем. Именно в урбанизированных зонах сосредоточено большинство населения страны, именно здесь наиболее тревожное ожидание рынка, наибольшая социальная и национальная напряженность (хотя есть и исключения). Здесь более всего необходимо переключение социальной активности, перевод негативных эмоций и страстей в рациональное русло действительных интересов. Наконец, здесь же сосредоточена наиболее квалифицированная и дисциплинированная рабочая сила, могущая сыграть на селе роль внутренних «варягов». Тому есть давний исторический прецедент, чужой, но реальный.

Быстрый экономический рост, вопреки распространенному мнению, начинался не только в промышленности и в Англии, но в сельском хозяйстве и в других странах Западной Европы. Переход к новой социально-экономической формации сопровождался там интенсификацией эксплуатации земли, заменой рентных отношений арендными, крестьянских общин как коллективных распорядителей земельной собственности — фермерами. Во Франции с XIV—XV вв. основной путь в дворянство лежал через чиновничьи должности и покупку сеньорий. Как пишет А. Л. Люблинская, не имея права вкладывать свои деньги в торговлю, новые дворяне заводили в своих доменах весьма прибыльное фермерское хозяйство (6). Что же касается традиционных крестьян, то вести хозяйство по-новому —организованно, производительно, напряженно,— как убедительно показал французский историк М. Блок, они были не способны психологически, у них было иное мировоззрение, иные ценности (7).

Для того чтобы миграция в деревню у нас приняла массовый характер, необходимо, с одной стороны, чтобы у части горожан был накоплен определенный опыт («как садиться на землю») и начался процесс передачи конкретной живой информации через родственников и знакомых, чтобы возникла система взаимопомощи. С другой стороны — власти тоже должны накопить опыт («как сажать на землю»), основанный на принятии и корректировке законодательных акций, практических рекомендаций и инструкций, толкующих конфликтные ситуации.

Эти элементы тем более необходимы, что относительно будущего социально-производственной организации деревни в нашем обществе до сих пор нет определенного мнения: на что делать упор? На всю колхозно-совхозную систему — путем новых финансовых инъекций? На фермера, защитив его политически и юридически от колхозно-совхозной и районной бюрократии и помогая ему в становлении хозяйства? На крепкие колхозы и крепких фермеров? За всеми этими вопросами стоят мифы, созданные обманом и самообманом предшествующих семидесяти лет,— о «неизбежной дифференциации» трудящихся (много большей, чем сейчас) и «неизбежной эксплуатации» (много большей, чем сейчас) в условиях сущестования частной собственности на землю.

Что касается дележа собственности и судьбы того или иного коллективного хозяйства, то мне хотелось бы, не вдаваясь в конкретику, подчеркнуть значение одного демократического императива: уважения мнения и желания меньшинства. Если из колхоза выходит меньшинство — надо предоставить им хорошие земли, если остается меньшинство — надо сохранить коллективное хозяйство. А дальше, вслед за А. В. Чаяновым, убежден: путь кооперации естественен для крестьянства. Весь вопрос в том, каким быть кооперативам. Фермеры неизбежно сразу же встанут перед необходимостью создавать «снизу» собственные снабженческо-сбытовые и иные товарищества (если на обоюдовыгодных условиях их функции не начнут выполнять преобразованные колхозы и совхозы). В конечном счете экономическая целесообразность, восторжествовав, продиктует крупным хозяйствам те функции, которые в развитых странах выполняет разветвленная кооперативная сеть.

Разумеется, верхний предел в три *га* не может быть оптимальным на все времена. В Японии он стал ограничителем развития производства через полтора десятилетия после начала реформы. К этому времени фермерство уже устоялось как самый массовый социальный слой деревни, фермеры стали так называемым «средним слоем» — опорой общества. Все острейшие послевоенные проблемы были успешно решены. Страна вступила

в полосу устойчивого и беспрецедентного до того экономического роста.

* * *

Может быть, тех мер, что видятся сейчас, недостаточно для возвращения в цивилизованную жизнь. Главное в том, чтобы любые меры на этом пути — экономические, политические и другие — осуществлялись во взаимосвязи, исходили из провозглашенного нами примата общечеловеческих ценностей, из уважения прав и свобод человека. Это будет возможно, если мы исполнимся решимости прежде всего начать преобразовывать самих себя: становиться ответственнее, совестливее, добрее и терпимее.

1. *Федотов Г.* Россия и свобода. Chalidze Publications. N. Y., 1981.
2. *Гусейнов Г., Драгунский Д., Цымбурский В.* Империя — это люди.— «Век XX и мир», 1990, № 8.
3. Подробнее см. *Кульпин Э. С.* Человек и природа в Китае. М., 1990.
4. *Ахиезер А.* Что может и чего не может реформа.— «Полис», 1991, № 1.
5. Подробнее см., например, *Брагина Н. М.* Современная японская деревня (социально-экономический очерк). М., 1975.
6. См. *Люблинская А. Д.* Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630—1642 гг. М., 1982, с. 234—235.
7. См. *Блок М.* Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957.